

16+

КАТЕРИНА
ДЕМЕНТЬЕВА

ПОСЛЕДНЕГО
ВОЛКА ЗДЕСЬ
ВИДЕЛИ
СОТНЮ ЛЕТ
НАЗАД

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ

Катерина Дементьева

Последнего волка здесь видели сотню лет назад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63628317

SelfPub; 2020

Аннотация

Знаете эту прелестную зимнюю сказку о том, как симпатичный взрослый мужчина и впечатлительная юная девушка застревают под Рождество в маленькой гостинице с мудрым владельцем, который ловко их сводит во имя любви? Я сделала ее немного другой. Заменяла мужчину на женщину, девушку – на юношу и владельца – на владелицу. Получилось чуть менее романтично и про феминизм.

Содержание

1.	4
2.	10
3.	17
4.	25
5.	32

Катерина Дементьева

Последнего волка здесь видели сотню лет назад

1.

Таксист всю дорогу занудно разглагольствовал о неадекватности женщин за рулем, агрессивно подрезал каждую машину и явно не чувствовал никакого дискомфорта ни от ущербности собственной логики, ни вообще.

Я молчала.

Скоро мы съехали с трассы в лес, на узкую дорогу, где не было ни указателей, ни знаков. Дневная тьма начала сменяться тьмой вечерней. Выглядело и ощущалось это все довольно неприятно.

Я молчала уже менее уверенно.

Через несколько минут езды то ли по гравию, то ли корням он привез меня к дому маньяка из любого случайного фильма ужасов, и молчать стало несколько неловко.

– Вы рехнулись, что ли? – Я звучала испуганно, но голос хотя бы не дрогнул, хорошо.

– Так ты сама попросилась – в Охотницу. Это она и есть – Охотница. То ли за звездами, то ли за солнцем, никто не

помнит уже.

Я хмыкнула, полезла смотреть фотографии в картах – ок, дом был похож, но вау, как же он и изображение отличались – было эдакое типичное ожидание против реальности, только происходило со мной. Таксист наблюдал в зеркало.

– Поехали, может, в город? Там тебе что-нибудь поищем, можем даже без счетчика, не бойся. А если ничего до вечера не найдем, то у меня переночуешь!

Он хохотнул, а я сразу решила, что ну ок, маньяк в разваливающемся гостевом доме, значит, маньяк в разваливающемся гостевом доме. Я выскочила из машины, отказалась от помощи с чемоданом, оплатила поездку – к счастью, тут ловил интернет, пусть и не был быстрым.

Все это выглядело, казалось, ощущалось ирреальным – впрочем, как и большинство событий в последний год.

Как нелепо будет умереть здесь от руки какого-нибудь сумасшедшего, подумала я, пока тащила чемодан ко крыльцу. И – надо непременно вести записи, на случай, если я таинственно исчезну.

Внутри Охотница оказалась...

– *Заметно лучше!*

Ну уж нет. Внутри Охотница была менее жуткой, что, мне кажется, сильно отличается от “заметно лучше”, что бы там кто по-попугайски сипло не кричал мне в ухо.

– *Сама ты попугаиха!*

Внутри Охотница оказалась менее жуткой. Ну то есть – конечно, все стены были увешаны черепами с рогами и рогами без черепов, но они были густо замотаны разноцветными гирляндами, которые сумасшедше мигали невпопад, но каким-то чудом и правда создавали настроение. Я оставила чемодан у двери и подошла к стойке. Никого.

Я позвонила, подождала приличные полторы минуты, чтобы не быть из *этих* персон, позвонила еще раз – снова никого. Слева была темная комната, должно быть, столовая, справа – гостиная, где было светло и шумел телевизор. Я пошла туда.

Первым, что я увидела, было кресло-качалка, повернутое спиной ко мне. Над изголовьем торчала беловолосая макушка, и кресло мерно покачивалось. Это был сложный день – это был адский месяц, я уже молчу обо всем годе, но это был тяжелый день, и последнее чего мне хотелось бы – встретить какую-нибудь жуть в духе *Психо*. Я громко поздоровалась. Кресло перестало раскачиваться. Со скрипом человек внутри развернул его ко мне – это была щуплая старушка в неожиданно стильном комбинезоне и с подозрительным прищуром.

Она хрипло откашлялась – любой кашель вызывал у меня панику, но этот был знакомый, таким заходились все мои курильщики – и я сдержалась, даже не дернулась.

– Зачем пожаловали? – недовольно спросила она.

– Мне нужен номер? – Получилось вопросительно, я не знала почему.

– К нам только по брони.

Она начала разворачивать кресло. Я шагнула вперед:

– У меня есть бронь!

Я объяснила ей ситуацию. За полчаса до отправки моего рейса правительственные идиоты (или заботливые гении, впрочем, это было маловероятно) решили запретить авиасообщение, и милая стюардесса хоть и посочувствовала мне, вручила три обеда в подарок – но выкинула меня из самолета. После приступа паники и ужаса я решила найти что-нибудь неподалеку, где можно остановиться, потому что администрация аэропорта, состоящая из двух приятнейших женщин, которые отпоили меня чаем и разогрели мои самолетные обеды, чтобы я поела, они рассказали сплетню, что, возможно, аэропорт откроют после праздника, значит, лучше мне быть поближе, чтобы наверняка удалось успеть улететь.

Ближе всего оказалась Охотница. Я забронировала номер, вызвала такси, распрощалась со своей прекрасной группой поддержки с обещанием, что они мне обязательно позвонят, если что-то узнают, и поехала.

Старушку это совершенно не впечатлило.

– Нужно проверить еще, не случился ли овербукинг.

Я была почти уверена, что в доме нет никого кроме нас двоих, но хорошо. Овербукинг. Я кивнула, постаралась сделать это со всей возможной вежливостью. Она соблаговоли-

ла улыбнуться мне – и осталась сидеть.

– Раз нужно проверить, то, наверное, проверьте?

Что за ерунда была с вопросительным тоном, этого я понять не могла.

Она оскорбленно вздохнула, поднялась и побрела в сторону стойки. Мне было любопытно, она всегда была такой, или это я ей не понравилась, и я очень-очень надеялась, что чем бы оно ни оказалось, неприязнь не будет настолько сильной, чтобы она не отдала мне номер. Интересно, в мою ли пользу сработает, что я забронировала один из самых дорогих?

– Надо подождать, пока компьютер включится, – крикнула она.

– Хорошо!

Я подошла к камину – я не замерзла, я так и не сняла пальто, но всегда было приятно побыть у огня.

Если она откажет с номером, если не получится убедить, нужно будет заказать такси через другое приложение, у меня не было сил даже думать о возможности еще раз встретиться с тем таксистом.

– Привет!

Я подскочила и обернулась – в кресле сидел модельно-прекрасный подросток, который выглядел как все симпатичные участники кей и джей поп-групп.

– Привет.

– Можешь звать меня Анатоль, – сообщил он мне. Я почувствовала, что брови ползут вверх. Ответила, что ок. На-

звала свое имя.

Он важно кивнул. Внимательно осмотрел меня с головы до ног и сказал, явно ожидая, что я буду в восторге от новости.

– И да, конечно, – я *тот самый* тиктокер.

– Ок, – повторила я. Нужно было еще что-то сказать? Или сделать какое-то специфическое выражение лица?

Мальчик начал говорить, что так и быть, *хорошо*, он подпишет мне что-нибудь, и я не успела отреагировать, старушка крикнула, что овербукинга все-таки не случилось и я получу свой номер.

Радость-то какая.

2.

– И что ты планируешь делать?

– Для начала было бы неплохо справиться с ощущением нереальности происходящего, знаешь?

Мой друг был врачом, не отдыхал примерно с марта и терпеть не мог разговоры про ирреальность и просьбы ставить диагнозы по телефону. Про диагнозы я хорошо понимала и почти никогда не просила, а вот насчет ирреальности все время забывала. Он бесцеремонно прервал мои стенания о том, как я иногда просто замирала и поверить не могла, что *это* и правда происходит.

Самолеты и правда переставали летать. Весной весь мой привычный уклад жизни вылетел в трубу за неделю. Я могла заболеть чем-то непонятным и умереть.

Разве не странно?

Я находила, что очень – *очень*.

– Думаю побыть здесь до двадцать шестого, а дальше, если они так и не начнут летать, то попробую уехать на чем-то. Но не знаю, не могу пока планировать, когда все рухнет быстрее, чем я заканчиваю формулировать.

Друг согласился, что это вполне разумно. Спросил, хватало ли у меня денег – их хватало, мое министерство решило жить как в последний раз. Я слышала о таком подходе от коллег, которые работали еще до финансового кризиса – то-

гда тоже все было очень щедро, и премии, и командировочные, и средства на доп расходы. Мне, наверное, нужно было экономить, но как-то не хотелось.

Я рассказала о комнате – на порядок меньше черепов и рогов, пушистые микроелочки из веток на всех горизонтальных поверхностях, централизованное отопление, включенное, впрочем, на минимум.

Первым делом, когда я оказалась в комнате вчера, я выразила соболезнования чучелу норки, которое стояло на каминной полке, – по поводу ее или его смерти. Подумала засунуть его в шкаф, но не захотела, чтобы моя одежда впитала этот запах, поэтому походила с ним по комнате и решила, что не куда не буду убирать останки бедного животного.

Сразу после я решила увеличить отопление: в комнате не было холодно, но было свежо. Батарея стояла на единице, я выкрутила ее на максимальную пятерку, но ничего не началось происходить: никакого шума воды, никакого жара. Мне очень не хотелось идти вниз и разговаривать со старушкой, поэтому я порыскала по шкафчикам в комнате и нашла правила поведения в Охотнице, где было написано, как они гордятся тем, что поддерживают во всех номерах самую полезную для людей температуру – восемнадцать с половиной градусов. Дальше шло несколько строк со смыслом – идите к черту, мы ближе всех к аэропорту, никуда вы отсюда не денетесь, а я хочу экономить на отоплении и буду.

Справедливо.

– Я растопила камин, посадила эту дурацкую норку на прикроватную тумбочку, чтобы она не смотрела на меня, включила телек, чтобы он грелся, зажгла все гирлянды, чтобы они тоже грелись и поставила ноутбук обновляться. Что скажу – ей было бы экономически выгодней включить мне отопление, а не вот это все.

– Так ты ей об этом скажи, а не мне.

– При встрече обязательно.

– А что мальчик?

Ох, мальчик. Мы поболтали вчера – он много, много говорил, но я не слушала, больше рассматривала: его манеру держаться, говорить, жестикулировать – и испытывала пре-странное чувство, будто бы я сижу в компании собирательно-го образа парня, в которого я влюблялась подростком. Шикарного, уверенного, более чем симпатичного, умного, невыносимого – и того, который никогда не смотрел в мою сторону.

– Ну теперь-то у тебя есть все шансы. Тебе тридцать, ему, сколько, восемнадцать?

– Мне тридцать два! А ему, на минуточку, двадцать один. Я в био посмотрела.

– Только не говори, что ты пошла смотреть его тикток! – друг звучал очень уж радостно для человека, который отпахал двенадцатичасовую смену.

Конечно, я пошла, и, конечно, я смотрела. У парня было

семь с четвертью миллионов подписчиков, и я залипла на его дурацкие видео на полночи.

Мы поболтали еще, пока я не проснулась окончательно. Пора было идти завтракать. Магазинов в округе не было, в округе вообще ничего не было, поэтому пропускать еду было неразумно.

В холле было прохладнее, чем в комнате.

В столовой же был ужасный, на уровне пара изо рта, дубак!

– Доброе утро, – сказала мне старушка. – Вовремя вы, чуть завтрак не пропустили. Хорошо, хоть что-то осталось!

– Слушайте, ну тут уже никакие ваши оправдания про пользу не сработают – включите отопление!

Старушка закатила глаза, поплотнее укуталась в прекрасную пунцовую оверсайз тедди шубу, сказала мне, где что находится, и удалилась.

Я погрелась о чайник. Погрелась о тостер – было так холодно, что тосты остывали, пока я подносила их ко рту.

– Ну это неправда!

– Если это неправда, то только потому, что я преуменьшаю из вежливости.

– Ты же знаешь, что это оттого, что у меня теплоузел старый. Так и пиши, что это такая забота была, чтобы бы он не выключился, и не пришлось сидеть и жопы морозить все праздники и потом неделю.

– Тогда я этого не знала, правда? Тогда-то мне никто не соизволил это объяснить.

В итоге я не столько наелась, сколько оледенела и начала злиться из-за холода вообще и негнущихся пальцев в частности.

Я налила чая с собой, в свою огромную чашку и направилась на звуки кашля и телевизора – в гостиную. Там был камин и было заметно теплее. Я устроилась в кресле, привычно поскролила новости – как все-таки нелепо было происходящее! – и задумалась, что я, конечно, здорово придумала остаться здесь до двадцать шестого, но чем мне заниматься?

Я не была в отпуске. Я не могла работать удаленно.

На телефоне было девять сорок две, двадцать второе декабря.

Можно было посмотреть все фильмы, которые я хотела посмотреть, но не успевала. Почитать. Сойти с ума в компании себя и этого жуткого кашля.

Который час?

Девять сорок две.

Как любая приличная представительница бессмысленных миллениалов я была приспособлена к тому, чтобы скучать и изнывать, но могла ли я скучать сейчас? Не стоило ли бы использовать это время, чтобы покопаться в себе и проработать какие-нибудь давние травмы?

Ок, этого мне совсем не хотелось. Что там время?

Девять сорок три. И кашель. И дикий хохот из телевизора.

Ясно-понятно – мне грозило сойти с ума в этом месте. А еще надвигалась паническая атака, я чувствовала.

– А здесь еще кто-нибудь есть? Кроме нас с вами и мальчика?

– Нет. Еще обещались трое, но не приехали, должно быть, успели улететь.

Хорошо, здесь хотя бы был интернет. Я взяла телефон, старушка снова закашлялась.

– Ты бы лучше прогуляться сходила, погода вон какая приятная.

Я оглянулась на окно. Погода выглядела как привычная и типичная утренняя серость.

– В лесу?

– В парке.

– А где парк?

– Так вокруг же.

– Мне кажется, это лес.

– Это парк.

– И чем ваш парк отличается от леса?

Она очень выразительно посмотрела на меня.

– Дорожками.

О. Ну раз я уже все равно не блистала интеллектом в ее глазах, я решила уточнить.

– И интернет в парке ловит, чтобы я маршрут проложить смогла, если вдруг потеряюсь? А животных у вас никаких не

водится?

– Каких животных?

– Ну, волков, например?

– Последнего волка здесь моя прабабка видела – лет сто назад. Она его и пристрелила.

Прабабка с волком – это, конечно, звучало захватывающе, но не отвечало ни про кабанов, ни про медведей. Я хотела бы расспросить дальше, но не решилась.

3.

Я проверила, сохранена ли локация и карта, потому что теряться в лесу-парке желая не было, укуталась посильнее – было тепло, но противно, и от сырости, и от темноты. Подумала взять с собой норку, но решила, что не буду в первый же день превращаться в местную сумасшедшую, и пошла гулять.

Сколько выбора у меня было для утренней декабрьской прогулки!

Уткнуться в телефон и скролить инстаграм или твиттер, постоянно находить себя на новостном сайте с очередной статистикой заболевших/умерших и ругать себя за это – и за то, что я не запоминаю дорогу, поэтому, если с телефоном что-то случится, не смогу выбраться обратно.

Или оставить телефон в покое и любоваться серым небом, серыми ветками, посеревшей травой, серым гравием на дорожке и серыми лужами? Впрочем, каким бы интригующе градиентным ни был пейзаж, я наверняка стану размышлять об этой ситуации – что я совершенно точно не хотела делать, потому что это было бессмысленно и страшно.

– Я тоже решил погулять!

О, мой знаменитый сосед.

На самом деле я не хотела его компании, наверняка ведь он окажется невыносимым, но все, что происходило и соби-

ралось произойти в моей голове, казалось еще более невыносимым.

– Тогда присоединяйся.

Он выглядел удивленным, будто и представить не мог, что я могу не хотеть быть с ним.

Через полчаса прогулки у меня случился личностный и философский кризис. Зачем я живу? Что не так со мной и прочими миллениалами? Или это с этим новым поколением что-то не так?

Анатолий даже не хвастался – он просто и спокойно рассказывал о своем бизнесе, заработке, толпе ассистентов, сценаристов, операторов, отвечающих на комментарии, которые вместе с юристками и бухгалтершами работали на него. Десятки миллионов в банках, недвижимость и инвестиции, и этот год стал мегаудачным, потому что все засели дома и людям нечем было развлекаться, кроме как смотреть тиктоки и приносить ему деньги.

Когда мне был двадцать один, я вела пафосные дискуссии о морали и об этике и читала случайным людям Бродского. Еще я пила с подругами водку из кружек в подъезде, потому что сидеть в квартире наскучило, равно не имела ни малейшего представления, чем буду заниматься завтра и через пять лет, и любила болтать с незнакомыми мужчинами по телефону и периодически встречаться с ними для секса.

Я не думала – старательно заставляла себя не думать – что

один из нас хуже другой. Я была поражена, насколько мы разные и что невозможно навскидку придумать ему литературного обозначения. Кто он? Дориан Грей от капитализма – он рассуждал как мои родители, но был на десятки лет их младше. Но он не был злодеем, поэтому это не было справедливо. В конце концов, его ежемесячные отчисления на благотворительность – я спросила – были больше моей полугодовой зарплаты.

Он не пил – конечно, алкоголь вреден.

Он не курил – тоже конечно, табак убивает.

– Еще я девственник.

– Девственности не существует, это нелепый и унижительный социальный конструкт, – автоматически ответила я, все еще размышляя о том, какого бы персонажа выбрать для его описания.

– Но как же?

Я объяснила. Он был поражен, но согласился, что и правда, если играть в девственность, нужны тысячи ее видов, по одной на каждый уникальный телесный контакт, по одной для всех новых партнерш и партнеров.

Это меня немного утешило – приятно было обучить чему-то этого юного бизнес-гения, который подумал-подумал и сказал:

– Ну у девушек-то девственность есть! Есть же, – это было драматическим шепотом, – плева!

Ну вот вам и гений. Я объяснила про гимен, в котором

есть отверстия, привела пример с месячными – к его ужасу. И к удивлению – предложила погуглить и изучить вопрос самому.

Мы немного прошли в тишине – в глубине парка было менее уныло, потому что появились сосны, пушистые, зеленые, они были приятным отличием от прочей серости.

– Вот что странно! Будь ты мужчиной, а я девушкой, ты бы наверняка только услышала про девственность, поволокла меня обратно и начала соблазнять.

– Печально, но вполне справедливо, да. Можешь радоваться, что я не мужчина.

Он помолчал еще.

– А дай свой номер?

– Зачем? Мы живем в одном доме, уверена, и так будем чаще нужного встречаться.

– Ну вдруг я буду изучать этот гимен и нужно будет у тебя что-то спросить?

– Я не твоя учительница, чтобы у меня спрашивать. Если очень надо будет мое мнение, думаю, оно подождет до встречи. А вот если мой номер нужен, чтобы прислать мне каких-нибудь дикпиков, то так и говори.

Он рассмеялся. Подозрительно неловко.

– Но тогда-то ты не дашь.

– Тогда-то я как раз очень даже дам. Но сразу предупреждаю, все порно-снимки я немедленно продам всяким твоим фанаткам и фанатам с какого-нибудь аукциона. И номер

твой продам! Я, знаешь ли, так себе относилась к накоплениям в этом году, вдруг все-таки не умру от вируса – тогда любые деньги пригодятся.

– Умеешь ты шокировать, – восхищенно сообщил он.
Это было приятно.

После ужина – кормили в Охотнице, надо сказать, отменно...

– *Вот и говори, раз надо сказать, почему только одно слово?*

– *Ну я же не гастрономический рассказ пишу, честное слово. Я и так уже везде в отзывах написала о качестве еды – она обалденная!*

– *А про размер порций в карты наверняка так и не добавила!*

– *А вот вы посмотрите, а потом упрекайте, да?*

После ужина я устроилась в гостиной с книжкой. Телевизор и жуткие новости оттуда отвлекали намного меньше, чем я бы предположила – все-таки что угодно становится фоном, если слушать это достаточно долго. Хозяйка Охотницы посидела со мной, потом удалилась. Сразу после появился Анатолий.

– Я столько всего прочитал! – объявил он. – Столько узнал всего!

– Рада слышать. – Я не отрывалась от книги, хотя уже до-

гадивалась, что это его не остановит.

– В мире столько сексизма! И несправедливости, и всякого. Как вы, в смысле женщины, вообще живете?

Я – если не брать во внимание текущую ситуацию, хотя как же было ее не брать, когда все это окружало меня и нигде не сбежать, не деться – я жила хорошо. У меня была симпатичная, пусть и довольно бессмысленная должность при минкульте, приятная начальница, отличная владелица квартиры, которую я снимала, ноль целей и обязательств и желание быть феминисткой и эко-активисткой, особенно когда оно не требовало слишком больших усилий.

Анатолий продолжал восклицать всякое. Его, конечно, больше всего впечатлила финансовая несправедливость, феминитивы для блогерок, геймерш, инфлюэнсерок. Закономерно, что люди обращали внимание на то, что касалось их, их сфер, поля – но все-таки было очень любопытно. Он побегал по гостиной, остановился у моего дивана и присел рядом. Я отодвинула ноги, чтобы не касаться его бедра.

– А еще я прочитал, что могу быть идеальным любовником – потому что могу быстро восстанавливаться, и заниматься с тобой сексом хоть сто часов подряд.

Я рассмеялась.

– Ок, друг мой. Сто часов – это четыре с небольшим дня, и поверь мне, никто не хочет секса так долго. Это раз. Два – я ясно дала понять, что нет, и вот говорю прямо – нет. Это значит – нет, хоть сто часов, хоть ты лучше, чем мой vibra-

тор, хоть что угодно другое. Это понятно?

Он кивнул, но очевидно, что понятно не было, потому что через несколько минут он попытался выяснить, стадию моего цикла, чтобы уточнить, правду ли говорят исследования о том, что во время овуляции женщине больше хочется секса.

Было утомительно. Я собралась уходить, но тут он сделал совсем мерзкое – схватил меня за руку и прижал ладонь к своей ширинке.

– Ты сама не знаешь, от чего отказываешься.

Будь я младше, я бы испугалась, расстроилась, почувствовала себя грязной – и промолчала. Но я, к счастью, была собой – взрослой женщиной в ярости. Я заставила его принести мне дезинфицирующие салфетки. Извиниться. Объяснила про насилие и его неприемлемость в любом виде, заставила пересказать услышанное в свободной форме, чтобы убедиться, что он правильно понял. Забрала книгу и ушла.

Понятно было, что страх, печаль, гадливость появятся, только я закрою дверь, поэтому я позвонила другу и рассказала все это. Он посочувствовал. Мы даже посмеялись о том, как это нелепо – что есть люди, уверенные, что факт наличия у них члена будет жутко соблазнительным.

– И стоит мне коснуться магического жезла...

– Нефритового!

– Ну тебе виднее. Стоит мне к нему прикоснуться, так я сразу же его возжелаю – ну что это? И откуда берется – он же

весь такой зарабатывает миллионы каждые пять минут, ему же некогда этой патриархальной чушью пропитываться, нет?

Друг сочувствовал мне изо всех сил, но он был на работе, был занят, поэтому разговор был короткий.

Я думала пойти плакать в душ, но решила, что займусь этим в кровати. Переставила норку на тумбочку, чтобы она составляла мне компанию, и разрыдалась.

4.

С утра я как взрослая адекватная женщина, коей и являлась, приняла разумное и взвешенное решение – всеми силами избегать малолетнего засранца.

Вариантов, конечно, была масса – можно было обливать его презрением и возмущением, можно было воспитывать, можно было бы заставить его публично извиняться на весь тикток – но ничего из этого мне делать не хотелось. Чего хотелось – получить звонок от симпатичных женщин из аэропорта и улететь домой.

Но новости пестрили всяким нерадостным и надо было бы, наверное, начинать задумываться о том, как я буду отсюда выбираться, когда и после праздников сообщение не восстановят – но этим мне заниматься не хотелось даже больше, чем вчера.

Я укуталась к завтраку. Сначала спустилась за чаем, потом за порцией хлеба и джема и сосисками, а потом забрала с собой и тостер.

– Вообще-то у нас с собой еду брать нельзя, – сообщила мне старушка, когда я уходила из столовой в третий раз.

– Вы отлично сегодня выглядите, – ответила я и показала ей тостер, – а это не еда. Я его потом обратно принесу.

– Ну я уж думаю.

Я отлично позавтракала в компании норки, к запаху которой привыкла настолько, что почти его не чувствовала. Мы смотрели сториз, а потом ютуб, а потом у нас случилась горячая мысленная дискуссия о том, стоило ли мне идти в тикток смотреть, что там постит Анатолий. Норка – в роли той моей части, которая мне не особенно нравилась и никогда не умела вовремя останавливаться, считала, что можно, и нужно, и определенно стоит сходить. Я считала, что не буду делать ему просмотры. Вопрос разрешился тем, что у меня кончились еда и чай, отлично, потому я чувствовала, что начала проигрывать эту битву.

Старушка прогнала меня с кухни, куда я принесла посуду. Прогнала меня из комнаты, потому что я мешала ей убираться – я протестовала, что мне не нужно, но она сунула мне в нос описание номера в букинге, где и правда была указана ежедневная уборка. Затем она выгнала меня из библиотеки, потому что нужно было ее проветрить, после – из гостиной.

– Теперь-то какая причина?

– А никакой, кроме того, что ты взрослая девица, а бегаешь от него, как будто сама в чем-то виновата. Это он от тебя от стыда должен бегать, но нихрена ведь от них не дождешься такого. Так что давай, нос наверх, взгляд презрительный, плечи расправила, природную сучность включила.

Это был отличный совет, просто замечательный. Я поблагодарила...

– *Не особенно горячо.*

– *Нормально поблагодарила.*

Проблема была в том, что ничего мне включать не хотелось. Я пошла в комнату, чтобы обсудить это с другом, если он был свободен, или с норкой, если свободна была она. По коридору бродил туда-сюда Анатолий. Он бросился ко мне, остановился на вполне приличном расстоянии и искренне – ну или по крайней мере убедительно – извинился.

Мы договорились встретиться после обеда, чтобы погулять.

Еду я все равно стащила в номер, потому что избегала я кого-то или нет, это никак не влияло на адский холодильник, которым была столовая.

Мы гуляли в другую сторону и скоро набрали на остатки настоящего парка – с разбитыми статуями, поросшими мхом, в ветках, в перьях, с опустевшими фонтанами, потрескавшимися лесенками. Я достала телефон и сделала миллиард фотографий и селфи. Анатолий свой даже не вытащил.

Я совершила ошибку поинтересоваться, почему он не снимал – там же было так симпатично и атмосферно!, и получила впечатляющую по его энтузиазму лекцию о том, что контент весь распланирован на несколько месяцев вперед, поэтому Анатолий и может спокойно торчать здесь, по мнению подписчиков он находился совсем в другом месте.

Меня снова поразила его серьезность, увлеченность, с которыми он говорил о своей деятельности. Я вдруг заинте-

ресовалась, написаны ли уже статьи о том, почему миллениалы такие инфантильные? Сначала нас окружали взрослые-взрослые, а потом мы формально выросли и вокруг появились взрослые дети. К чему брать на себя ответственность? Я начала гуглить, исследовали ли уже это. Анатолий попытался сообщить мне что-то о том, как его поражают люди, которые все время все гуглят, но я его осадила.

– Думала, ты уже усвоил, что я не нуждаюсь в советах?

Он извинился. Я сказала, что он может извиняться пореже – для этого нужно просто больше думать о своих словах и действиях и, может быть, периодически что-нибудь узнавать – хотя бы в гугле.

– Так и сказала?

– Конечно!

– Умница.

– Знаю.

Он огорчился, и, должно быть, поэтому решил запрыгнуть на бортик фонтана и прогуляться по нему. Запрыгнуть у него вышло, сделать пару шагов – тоже. Потом же он оглянулся на меня. Не знаю, что у меня было на лице, но вербальную реакцию я выдавать не собиралась, поэтому молча ждала. Он шагнул еще, поскользнулся на листьях, пошатнулся – и вот уже раздался всплеск-плюх. Меня передернуло от омерзения, звук был отвратительный, и какая же там наверняка была гадкая жидкость! Я подошла к фонтану. Анатолий там был жив и цел, но весь в грязище, воде, листьях, ветках и чем-то

противном – это выглядело даже впечатляюще на его огромном бежевом пуховике.

– Ты как? Выглядишь как жуткое чудовище из малобюджетного хоррора.

– Не хочешь мне помочь?

– Нет, мне очень нравится это пальто и штата ассистентов, которые его вылижут, у меня нет.

Он выбрался из фонтана. По дороге к дому он драматично хромал и обижался, что я высмеиваю его – он, как собаки, забывал, какая именно нога должна волочиться, это было презабавно.

Когда он привел себя в порядок, уговорил хозяйку пообещать попробовать почистить пуховик, когда я подтвердила, что да, конечно, это я столкнула его в грязь в качестве мести, мы с Анатолем устроились в гостиной, на меховой шкуре у камина. Старушка...

– Почему у меня в твоих записках до сих пор нет имени?

– Потому что я его тогда не знала?

– Ну так узнавай скорее, что заладила, старушка то, старушка это.

– Узнаю так быстро, как смогу, хорошо?

– Хорошо.

Старушка любезно принесла нам кастрюлю вкуснейшего горячего шоколада, который мы поставили рядом с огнем, чтобы не остывал.

Это был очень приятный вечер – мы болтали о фильмах и книгах, много смеялись, Анатолий не лез ко мне с ненужными предложениями, я почти преодолела свою неприязнь.

– Все, давай округляться, – предложила я, когда разговор начал затихать. – Эти ваши прогулки на свежем воздухе и камин, теперь я хочу поспать перед ужином.

Он согласился.

Дальше случился нелепый момент из тех, которые никогда не должны случаться в жизни. Впрочем, он оказался занятным. Мы замешкались в дверном проеме, потому что старушка поправляла украшения на одном из черепов и перегородила проход стремянкой. Когда она наконец начала слезать, я заметила, что Анатолий поглядывает вверх, и тоже посмотрела. Там был дурацкий рождественский венок.

Я мысленно вздохнула, застонала, выругалась, но! Анатолий улыбнулся и сказал:

– Даже спрашивать не буду, знаю, это сексистская традиция.

Он попрощался со мной и ушел.

– Только не говори, что это тебя впечатлило, – сказала старушка.

Я подумала, что надо все-таки как-то выяснить ее имя, но не решилась.

– !!!

– ;)

5.

Мой друг не был лучшим адресатом жалоб о том, как медленно и странно текло время в Охотнице.

– Я брошу трубку, если ты не прекратишь, – пригрозил он.

Я знала, что он в любом случае бросит ее через пару минут, поэтому быстренько доныла об ощущении, что я находилась здесь месяцы, не дни, и, пока он гундел, пожелала ему удачной смены. Сложно было сказать, что именно он считал удачным – в последнее время его радовали престранные вещи: жутко плохие стихи о том как кто-то проводит дни, заворачивая в белоснежные простыни еще более белоснежные тела, или рассуждения о том, как какая-то ведунья когда-то предсказала “чуму двадцать первого века”.

Я приготовилась повторить свой вчерашний набег на столовую, но там меня ожидало сочельниковое чудо в виде сияющего Анатоля и теплоты, почти жара.

– Я договорился, чтобы во время еды тепло включали, представляешь?

Представляла я с трудом, но удовольствие от завтрака получила огромное, мне даже не мешали ни компания Анатоля, ни подозрительные поглядывания старушки.

После завтрака Анатолий предложил прогуляться – я не хо-

тела и отказалась. Через полчаса он предложил посмотреть вместе какой-нибудь фильм – я снова отказалась. От вечеринки в одиннадцать утра в гостиной – тоже. И от игры в слова, шарады и нинтендо свич.

Когда он появился на пороге моей комнаты в очередной раз, я спросила:

– Слушай, у тебя есть какая-то традиция – проводить сочельник в компании неважно кого, поэтому ты изнываешь?

Он покраснел, по-детски засопел, сжал пальцы в кулаки и выдал:

– Я хочу проводить время с тобой, потому что я тебя любил!

– Ага, – ответила я, – понятно. Если ты вдруг не заметил, то чувство не взаимное, поэтому давай сворачивать этот разговор. Ситуация и так дурацкая, а тут еще и это. Будет удобнее, если мы как-нибудь оставим эту тему.

Только оставить ее он не сумел – весь день, весь вечер Анатолий печально слонялся по дому и попадался мне на глаза. За ужином он был само страдание: со вздохами, покрасневшими глазами, попытками пронести вилку мимо рта, а бокал – мимо стола. После – никак не мог уловить, что никакие уговоры не заставят меня повторить вчерашние посиделки у камина.

– Но я же ничего не буду делать!

– Ох, я начинаю понимать женщин, которые считают, что

адекватных мужчин не существует. Что же ты никак не поймешь, как это работает? Тебе говорят нет, и это все, конец.

– Я же тебя люблю!

– А я тебя нет.

Он убежал наверх, а ко мне подошла старушка.

– Так интересно, это все!

– Несомненно.

– И другое интересно – мне все время хочется сказать что-то в духе, а чего ты вообще хотела? А ты ведь явно ничего такого не хотела.

– Вот здесь был бы отличный момент, чтобы узнать мое имя!

– Согласна! Но мне что-то в голову не пришло.

– Со мной-то у камина хочешь посидеть? А лучше даже – на веранде.

Идея посидеть на веранде мне понравилась – я привыкла к прохладе Охотницы, и это звучало вполне неплохо – замерзнуть снаружи, чтобы потом вернуться внутрь, к камину.

У нас был глинтвейн и имбирное печенье, пряное настолько, что драло горло. Были пушистые, колючие, очень теплые пледы. Старушка рассказывала про охоту, грозилась через пару повторений напитков провести мне экскурсию по всему дому и показать, какие из рогов были ее заслугой. Я почти согласилась заняться этим прямо сейчас, но тут на веранду выскочил Анатолий.

– Я пойду гулять в лес!

– Парк, – поправила его старушка.

– И, может, лучше отложить прогулку до утра?

– Нет! Я хочу гулять, а тебе нужно научиться уважать чужие решения. – На этом он драматично завернулся в свой теперь пятнистый пуховик и ушел в лес – ну, то есть парк.

– Ты же понимаешь, что он хочет, чтобы ты помчалась за ним?

– Естественно.

– Побежишь?

– Конечно, нет.

Когда мы насиделись, Анатолий все еще не вернулся. Я беспокоилась, раздражалась из-за этого, но не настолько, чтобы все-таки пойти за ним.

Наутро у меня болела голова после всего глинтвейна, я не знала, вернулся ли Анатолий, праздничные новости сводились к тому, что скорее всего ограничения не только не снимут, но и усилят, а значит, мне нужно было начинать думать о том, как я буду отсюда выбираться. Но сначала мне нужно было добыть кофе.

Сегодня волшебного тепла в столовой не было, и я решила выйти на веранду – о, небольшое чудо все-таки случилось, дожде-снег, который мешал мне уснуть ночью, стал снегом-снегом и превратил все вокруг в открыточную, игрушечную красоту. На веранде сидел мрачный Анатолий.

– Доброе утро.

– Рада, что тебя не съели волки. И что ты никуда не провалился и ничего не сломал.

– Я тоже. И Агния говорит, что нет тут никаких волков.

– *Но ты же говорила, что как-то интересно узнала мое имя!*

– *Так разве узнать его в случайном похмельном разговоре*

– *это не интересно?*

– *!!!*

Завтрак проходил довольно мирно, мы молчали и смотрели на снег. Периферическим зрением я замечала, что Анатоль собирается что-то сказать, но, к счастью, ничего не говорил. Я думала о том, как в детстве верила, если загадать что-то в Рождественское утро – оно обязательно исполнится. Что бы я загадала сейчас, если бы верила? В голове была очень четкая картинка – я была дома, сидела за столом, писала заметки об этой истории и – почему-то – отправляла черновики старушке, Агнии, чтобы она могла их комментировать.

Из леса донесся вой.

– Собака? – спросил Анатоль.

– Что-то я не особенно уверена.

Мы переглянулись. Я записала в заметки погуглить, чем отличаются голоса собак и волков. Анатоль, видимо, решил, что вой – это повод продолжать разговаривать.

– Ты не подумай, что я совсем неисправимый, но какой шанс идти романтично целоваться под снегом!

– Я обязательно подумаю, – ответила я, – поэтому не надо это говорить.

– Хорошо.

Мы продолжили сидеть, снег продолжил падать, в лесу – парке – продолжало вить животное. И не одно!

На веранду вышла Агния, вся в камуфляже, с ружьем за плечом. Все еще очень стильная.

– Тысячу лет, говорите, волков здесь не было? – поинтересовалась я.

– Ничего подобного я не говорила, – ответила она и направилась в сторону звуков.

Я посмотрела на Анатоля.

– Вот сожрут нас тут волки, а я так и буду девственником.

Я прикрыла глаза, прижала ледяные пальцы к вискам и начала изо всех сил желать и верить.

конец